

Каждый разъ, возвращаясь изъ церкви, о. Алексѣй подробно рассказывалъ, какъ были удачно прочитаны тѣ или другія молитвы и богослужебныя чтенія, на примѣръ, пареміи гимназистами. Наоборотъ онъ до глубины души волновался, если случались иногда ошибки въ чтеніи.

Вообще его задачей было привлекать учениковъ для служенія въ храмѣ, и въ особенности въ алтарѣ. Одинъ изъ учениковъ былъ ближе другихъ къ нему, читалъ на всеобщемъ богослуженіи (на которомъ, за исключеніемъ большихъ праздниковъ, гимназисты не присутствовали), облачалъ его, читалъ послѣ литургіи благодарныя молитвы и т. под. И замѣчательно: почти за 50 лѣтъ служенія покойнаго въ гимназической церкви всегда находились воспитанники, преемственно служившіе своему законоучителю вѣрой и правдой и искренно проявлявшіе *трогательную* заботливость о немъ. Такимъ воспитанникамъ приходилось иногда вставать очень рано, предъ уроками отправлять раннюю обѣдню, если почему-либо о. Алексѣй служилъ ее, хлопотать въ алтарѣ, въ ризницѣ, исполнять разныя порученія и проч. И не было примѣровъ, чтобы кто-либо изъ такихъ гимназистовъ (а служили они года по три, по четыре), отказались отъ своего нелегкаго служенія. Только полученіе выпускнаго аттестата заставляло разставаться съ любимымъ законоучителемъ.

Будучи мальчикомъ (до поступленія своего въ гимназію) я часто бывалъ въ гимназической церкви, гдѣ находился обыкновенно въ алтарѣ. Здѣсь мнѣ приходилось видѣть такое отношеніе воспитанниковъ къ моему родителю, которое и тогда трогало меня до глубины души и теперь трогаетъ, при воспоминаніи о невозвратномъ прошломъ. Я видѣлъ, напр., какъ воспитанникъ VII класса изъ благороднаго семейства (кончившій впоследствии курсъ съ золотою медалью), послуживъ моему родителю при облаченіи, становился на колѣни и самымъ трогательнымъ образомъ обдѣргивалъ нижній край подризника, чтобы облаченіе вездѣ было